

А. В. Мангилёва

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ УЕЗДНОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ: ДВА СВИДЕТЕЛЬСТВА*

В статье говорится о Екатеринбургском уездном духовном училище в эпоху великих реформ. Сравниваются сведения о Екатеринбургском духовном училище, содержащиеся в двух различных по происхождению источниках: воспоминаниях Д. Н. Мамина-Сибиряка и отчете инспектировавшего училище С. В. Керского. Приводятся биографические сведения о преподавателях Екатеринбургского уездного духовного училища, служивших в годы, когда в нем обучался будущий писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк: ректоре училища А. М. Кроткове и учителе греческого языка Н. А. Диомидовском. Подлинные имена персонажей восстановлены на основании архивных источников. Приводится информация о жизни и быте воспитанников, состоянии учебного процесса, библиотеки училища и пр.

Ключевые слова: *воспоминания Д. Н. Мамина-Сибиряка, отчет С. В. Керского, Екатеринбургское уездное духовное училище, духовная школа в эпоху великих реформ.*

В феврале 1869 г., в разгар проводившейся реформы духовной школы, член-ревизор Учебного комитета при Святейшем Правительствующем Синоде статский советник С. В. Керский ревизовал духовные учебные заведения Пермской епархии. Особое внимание он уделил существовавшим в Перми семинарии и уездному училищу и Екатеринбургскому духовному уездному училищу. Отчет о его поездке был опубликован, так что сегодня имеется возможность ознакомиться с состоянием этих учебных заведений с точки зрения петербургского чиновника.

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет; договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.)

Разумеется, официальный отчет — документ не особенно красноречивый, но в данном случае мнение статского советника можно сравнить с впечатлениями человека, познавшего жизнь духовной школы не снаружи, а изнутри. Д. Н. Мамин-Сибиряк обучался в Екатеринбургском уездном духовном училище в 1866–1868 гг., затем поступил в Пермскую духовную семинарию, но в 1872 г. воспользовался предоставленной окончившим четвертый класс семинаристам возможностью поступить в университет. Его воспоминания о годах учебы в Екатеринбурге далеко не всегда совпадают с оценками отчета, так что в данном случае имеется уникальная возможность увидеть одно и то же явление глазами двух совершенно различных людей.

Реформа предполагала изменение программы обучения и преподавательской нагрузки, поэтому учебный процесс и профессиональные навыки преподавателей привлекли особое внимание ревизора. «Как по своим способностям и знанию дела, так и по ученым степеням, наставники Екатеринбургского духовного училища могут оставаться при предназначенных для них обязанностях по преобразовании училища: смотритель имеет степень магистра духовной академии; учителя: с[вященники] П., П., Д., К. и Н. — студенты семинарии. Один только д[иакон] Д. из не окончивших курс воспитанников семинарии, но к оставлению за ним должности учителя церковного пения, проходимой в настоящее время с успехом, нет препятствия»¹.

У Д. Н. Мамина-Сибиряка преподаватели Екатеринбургского училища тоже оставили в целом благоприятное впечатление. «Училищное начальство состояло из ректора², очень почтенного священника о. Петра с магистерским крестиком³, и инспектора училища о. Константи-

¹ Керский С. В. Преобразование духовных учебных заведений Пермской епархии (в 1869 г.). [Пермь, 1871]. С. 103.

² «Смотритель» у С. В. Керского. Разница происходит от переименования ряда должностей в период реформы духовной школы.

³ Ректорскую должность в училище в то время, когда здесь обучался Дмитрий Мамин, занимал протоиерей екатеринбургского Богоявленского собора Алексей Мартинианович Кротков, выпускник Казанской духовной академии, магистр богословия («с магистерским крестиком»). По окончании академии в 1846 г. А. М. Кротков был назначен преподавателем Пермской духовной семинарии (сам он был уроженцем Казанской губернии), в 1851 г. получил место ректора Пермских духовных училищ (уездного и приходского) и был назначен членом Пермской духовной консистории, в 1853 г. произведен в протоиерея к кунгурскому Благовещенскому собору и назначен миссионером

на. Ректор иногда посещал классы, а в общем мы его редко видели. Он пользовался общим уважением, и его боялись, потому что ему принадлежала карающая власть. Главной карой было увольнение из училища, а затем — субботние расчеты, когда училищный сторож Палька сек за леность, табакокурение и другие провинности. Нужно сказать, что сечение производилось не каждую субботу, и я в течение двухлетнего пребывания в училище только раз слышал издали отчаянные вопли наказуемых. <...> Ректор обыкновенно являлся в наш класс в один из субботних уроков, с роковым списочком в руках. Он никогда не сердился и не волновался, а только по своему списочку вызывал провинившихся, которые покорно и отпраплялись за ним. Ученики относились к ректору тоже без злобы, как к человеку, который только исполнял свой долг.

В общем, наказания у нас, повторяю, применялись редко, и то по каким-нибудь особенным случаям.

Совершенно иные отношения существовали с инспектором, особенно у бурсы, которая не любила его. На чем основывалась эта не-

по Кунгурскому и Красноуфимскому уездам Пермской губернии. В 1856 г., в возрасте 36 лет, переведен в Екатеринбург, где занял места настоятеля кафедрального собора и ректора уездного духовного училища, был определен благочинным городских церквей, первым членом Екатеринбургского духовного правления и членом временного строительного комитета, «учрежденного по случаю перестройки дома для Екатеринбургского духовного училища». В 1864 г. от должности благочинного был освобожден «по несовместимости с должностью присутствующего духовного правления», а в 1869 г. был по собственному прошению освобожден и от должности в духовном правлении. В клировой ведомости указано, что прошение было подано в связи «с преобразованием духовных училищ». Тогда же о. Алексей вернулся к преподавательской деятельности: в училище он вел курсы «Катехизиса и изъяснения богослужения с церковным уставом». В 1865 г. был награжден орденом св. Анны 3-й степени, в 1868 г. — 2-й степени (см.: ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 606. Л. 2 об. – 5). Отошел от управления училищем в 1875 г. (см.: Там же. Д. 613. Л. 3 об.). Почему же в воспоминаниях ректор назван о. Петром? Возможно, Д. Н. Мамин-Сибиряк не хотел называть подлинным именем известного в городе человека (отдельные мемуарные очерки писатель начал публиковать в 1894 г., а А. М. Кротков скончался в 1897 г. (см.: *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 147)). Возможно, писатель просто забыл имя ректора и перепутал его с именем сына А. М. Кроткова. Петр Алексеевич Кротков в 1866 г. окончил курс Пермской духовной семинарии со степенью студента (т. е. он имел право поступления в духовную академию) и поступил в Екатеринбургское уездное духовное училище на должность преподавателя катехизиса, Священной истории, чтения и чистописания в низшем отделении. С 1866 по 1869 гг. он также занимал место помощника инспектора (см.: ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 606. Л. 64 об. – 65).

любовь, я не могу понять до сих пор. Инспектор ничем особенным не выделялся, кроме того, что из года в год вел самую отчаянную борьбу с бурсой. Кажется, не было такой пакости, которую бурса не устроила бы неприятному инспектору. Все средства считались дозволенными. В свою очередь, инспектор, может быть, иногда злоупотреблял стереотипной фразой:

— А тебя, Словцов, ве-ли-ко-леп-но высекут.

Может быть, эта нелюбовь к инспектору происходила от той простой причины, что с ним приходилось иметь дело в самые неприятные моменты и по самым неприятным поводам. Он преподавал катехизис и латинский язык, и его классы представляли величайшую грозу, — за полученную у инспектора двойку расчет производился у Пальки.

Остальные учителя отличались самым мирным характером, и я не видал ни одного случая, чтобы кто-нибудь из них тронул ученика пальцем. Если бурса упорно желала остаться бурсой, то учительский персонал уже не имел ничего общего сравнительно с недавним прошлым. Исключение представлял один учитель пения, соборный протодьякон, которого почему-то называли Детраго. Это был громадный, полный мужчина, лет пятидесяти, с пышной шевелюрой и окладистой бородой. Класс пения служил отдыхом и развлечением, потому что Детраго обращался со всеми запросто. С ним школьничали, — незаметно прицепляли бумажки к спине, задавали самые глупые вопросы и вообще приставали, как мухи.

— А к Пальке хочешь? — добродушно басил Детраго. — Он тебе даст должный ответ на твой глупый вопрос...

Лично у меня с ним произошло очень неприятное знакомство.

— Ну, на шестой глас, — предложил он мне.

Детраго, как инспектор и ректор, всем говорил «ты».

Я заголосил, но неудачно.

— Ну-ка, ты — на второй глас... — предложил он поправиться.

Опять неудача. Детраго посмотрел на меня своими добродушными большими карими глазами и решил раз навсегда:

— Ну, брат, у тебя голова-то песком набита!..

Мне было очень обидно это слышать, и я пожалел, что не выучился у нашего заводского дьячка Николая Матвейча премудрости пения на гласы. <...>

Светских учителей, то есть ходивших в сюртуках, было всего трое: учитель русского языка, Григорий Алексеевич, очень милый и конфузливый молодой человек, которому не готовили уроков; учитель арифметики и географии, Константин Михайлович, чахоточный, унылый мужчина, который, кажется, ни на что не обращал внимания, и учитель греческого языка, Николай Александрович⁴. Последний являлся общим любимцем, и его класс всегда был лучшим. Это был красивый, подвижной молодой человек, державший класс в ежовых рукавицах и все-таки пользовавшийся общей любовью. Он умел держать весь класс в напряженном состоянии и видел каждого. Чуть кто не слушает, — сейчас вопрос:

— А как перевести эту фразу?

Николай Александрович и задавал много, и требовал много, и в классе не позволял лениться. Для меня лично это был первый настоящий учитель, который умел оживить даже такой сухой предмет, как греческий язык. По моему мнению, каждый истинный педагог должен быть артистом, и таким именно артистом был Николай Александрович⁵.

Фраза про «не желавшую меняться» бурсу и иной, по сравнению с прошлым, учительский персонал является прозрачным намеком на «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского. Что касается преподавателей, фразу эту можно понимать в смысле повышения профессионального уровня, изменения норм поведения, проявления корректности в отношениях с учащимися: диакон представляется исключением именно из-за панибратского отношения к ученикам. Что же касается бурсы (казенно-коштных учеников), то под ее желанием «остаться бурсой» может подразумеваться не только печально известная иерархия отношений в закрытых подростковых и молодежных группах, но и подходы к обучению (не только учеников, но и преподавателей).

На недостатки в системе преподавания довольно мягко намекает С. В. Керский. «С состоянием учебной части я ознакомился ближайшим образом при посещении классов. По моим наблюдениям, наставники, по мере сил и умения, добросовестно занимаются делом и обладают в большей или меньшей степени способностью толково и отчетливо объ-

⁴ Н. А. Диомидовский. Подробнее о нем см.: Протоиерей Николай Александрович Диомидовский. (Некролог) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1909. Отд. неоф. №31. С. 472–479.

⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого. Воспоминания // Он же. Собр. соч. в 10-ти тт. М., 1958. Т. 10. С. 255–257.

яснять уроки ученикам. Тем не менее успехи учеников не по всем наукам удовлетворительны, что зависело частью от упадка некоторых предметов в училище в прежнее время, частью от недостатков в приемах преподавания наставников, частью от скудости в учебных пособиях»⁶.

Гораздо прямее высказывается о причинах неуспеваемости учеников Д. Н. Мамин-Сибиряк. «В общем, за исключением Николая Александровича, наша педагогика стояла очень невысоко, и вся наука сводилась на самое отчаянное зубрение, в силу установившихся взглядов, что умнее книги не скажешь. Мы просто не умели учить своих уроков и брали их на память. Здесь проявлялась старая бурсацкая закваска, которой были пропитаны самые стены заведения, как пропитываются миазмами стены госпиталей, лазаретов и больниц. Но не все можно было взять зубрежкой, и нужно было видеть те отчаянные усилия, которые затрачивались на арифметику. Были просто мученики, как наш Александр Иваныч. Кто-нибудь из товарищей решал задачу, а он ее выучивал уже по-готовому. Александр Иваныч вообще не отличался блестящими способностями, но все-таки был человек смысленый и толковый, и просто было жаль смотреть, как он убивался над противной «мачимачихой». Он был отличный зубрила и учил урок, сидя на своем сундуке и раскачиваясь из стороны в сторону, как делают некоторые звери, которые слишком долго сидят в клетке и впадают в тихое, ритмическое помешательство.

Были такие артисты по части зубрения, которые отвечали без запинки на вопрос из катехизиса Филарета: «Что сие значит?» — стоило только назвать страницу. Некоторые настолько втягивались в зубрение, что утрачивали всякую способность отвечать «своими словами». Как сейчас, вижу Александра Иваныча, который, сидя на своем сундуке, потирая руки, закрыв глаза и раскачиваясь, мертвым речитативом зубрит текст из катехизиса и всегда повторит на закуску:

— Сколь легко и естественно любить и почитать родителей, столь же тяжек и непростителен грех непочтения к ним»⁷.

Что же касается «скудости в учебных пособиях», то духовная школа действительно испытывала недостаток учебников по многим предметам, поэтому ученики зачастую зубрили даже не печатный текст, а собственные записи лекций преподавателей. Кроме того, даже имевшиеся в

⁶ Керский С. В. Преобразование духовных учебных заведений... С. 105.

⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого. С. 257–258.

наличии учебные пособия стоили слишком дорого, прежде всего — для детей причетников. «<...> Главную беду, после квартирной платы, составляли учебники, которые приходилось во всяком случае покупать на свои кровные нищенские гроши. Некоторые малыши приехали со старинными учебниками, по которым учились еще деды, — это были почтенные старые латинские грамматики, напечатанные на толстой синей бумаге, переплетенные в кожу или холст и для крепости смазанные по краям маслом. Увы, — эти почтенные ветераны оказались никуда не годными, и приходилось покупать новые учебники, приспособленные к какой-нибудь новой системе. Но нам казалось, что старинные латинские учебники были лучше новых: ведь недаром наши деды и прадеды читали, писали и могли говорить по-латыни»⁸.

В отношении воспитания учеников оценки ревизора и писателя внешне сильно расходятся, хотя и в данном случае Д. Н. Мамин-Сибиряк находит некоторое оправдание для той ситуации, свидетелем которой он являлся. «Помню сцену, которая разыгралась в первый же урок, когда в класс явился грозный инспектор. Это был еще молодой, высокого роста священник с красивым, матовым лицом и целой волной темных вившихся волос. Он ходил какой-то особенной, развалистой походкой и смотрел как-то сразу в лицо тому, с кем говорил. Войдя в класс, он окинул его инспекторским взглядом и поманил кого-то пальцем. Из-за парт поднялась взъерошенная фигура. Инспекторский палец продолжал манить, и взъерошенная фигура подошла, остановившись “на приличном расстоянии”. Мне кажется, что это фигуральное выражение нигде не было так применимо, как именно в данном случае.

Произошла короткая, но выразительная сцена.

— Курил опять?

— Ей-богу, нет!..

— А, не курил?! Дохни!

Инспектор наклонился, и взъерошенный бурсак дохнул ему прямо в нос.

— Крепчайший табак, — определил инспектор, и взъерошенный субъект как-то разом полетел на пол, точно его сдуло ветром...

Дальше пошло избивание, — таскание за волосы. От волнения инспектор сделался еще бледнее, а темные большие красивые глаза сдела-

⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого. С. 242.

лись еще больше и темнее. Эта сцена произошла на моих глазах около тридцати лет тому назад, и я до сих пор не могу ее понять. Грозный инспектор совсем не был злым человеком, а только старался исправить неисправимую бурсу... За упорное табакокурение полагалось исключение из духовного училища... Чтобы не губить человека, суровый инспектор прибегал к отеческим мерам и домашним средствам»⁹.

Инспектор, в обязанности которого входило наблюдение за поведением учащихся, всегда являлся главным объектом ненависти в духовных учебных заведениях, независимо от личных качеств конкретного исполнителя данной должности. Существовало множество запретов, следить за выполнением которых было обязанностью инспектора, причем за нарушение этих запретов полагалось во многих случаях исключение из училища или семинарии. Предопределенность негативного отношения со стороны учеников приводила к тому, что многие инспектора вели себя утрированно строго, не стремились найти общий язык с учениками, хотя иногда в воспоминаниях бывших воспитанников духовной школы встречаются сведения о том, что на деле инспектора оказывались более гуманными людьми, чем старались казаться. По крайней мере, С. В. Керского ситуация с воспитательным процессом в Екатеринбургском училище вполне удовлетворила. «В настоящее время дело воспитания ведется, насколько я мог заметить, на разумных основаниях. Надзор за воспитанниками, как казеннокоштными, так и живущими на вольнонаемных квартирах, со стороны училищного начальства и ближайшим образом со стороны помощника смотрителя¹⁰ самый бдительный и неусыпный. Отечественные отношения воспитателей к ученикам, постоянное внимание к нуждам последних и твердое нравственное руководство при всяком удобном случае, заботы о приучении их к порядку в занятиях и образе жизни, об утверждении в них добрых нравственных навыков и склонностей и вместе о сбережении их здоровья и укрепления физических сил, составляют характеристические черты воспитания»¹¹.

Уж не понималось ли под «отеческим отношением» то самое «отеческое наказание»? Список официально применяемых наказаний у С. В. Кер-

⁹ *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Из далекого прошлого. С. 249–250.

¹⁰ «Инспектор» у Д. Н. Мамина-Сибиряка.

¹¹ *Керский С. В.* Преобразование духовных учебных заведений... С. 114.

ского, кстати, гораздо шире, чем в мемуарных очерках. «Меры взыскания за проступки строго соображаемы были с возрастом и характером исправляемых. Виноватые в лености и шалостях подвергались: выговорам и пристыжению пред товарищами, стоянию на ногах и коленях в классе и столовой, лишению того или иного блюда за столом, недопущение к обеду до 4 часов по полудни. В последнее время введены также в употребление выговоры и внушения неисправным ученикам в общем собрании училищного правления»¹².

При всей строгости надзора за учениками, руководство учебных заведений не могло справиться с неформальной иерархией в ученической среде, складывающейся в силу особенностей подростковой и юношеской психологии. К обычному делению по классам и по возрасту в духовной школе прибавлялось деление на обучающихся за казенный счет и проживающих в общежитии (бурсе) и обучающихся за свой счет и проживающих на квартирах. Бурсаки представляли собой более сплоченную совместным проживанием группу, да к тому же вынужденную существовать в более жестких условиях, так что в противостоянии двух групп они брали верх. Д. Н. Мамин-Сибиряк подробно описывает встречу бурсаков и «квартирных» в первый день учебы. Своекоштные ученики приносят в качестве «дани» бурсакам по куску белого хлеба (причем старшие, наиболее сильные, ученики от этого избавлены). Бурсак, которому рассказчик каждый день отдавал хлеб, берет его под свое покровительство. Весь первый день «прошел в усиленных драках, напоминавших бои молодых петухов. Нужно заметить, что большинство этих драк происходило точно по обязанности...», причем в стычках один на один «квартирные» побеждают¹³.

Внутри каждой группы существовала, как уже было сказано, собственная иерархия, во главе которой стояли наиболее сильные и отчаянные ученики. Повышенной агрессивности бурсаков способствовала «вся обстановка, при которой бурсе приходилось отбивать свою учебу. Лучшие комнаты были заняты спальнями, устроенными уже совсем не по чину, а день проходил наполовину в классах, а другую половину — в “занятых комнатах”. При училище не было садика, и бурса толкалась на дворе, прямо на глазах у своего начальства. Всего печальнее были для

¹² Керский С. В. Преобразование духовных учебных заведений... С. 116.

¹³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого. С. 250, 253, 254.

бурсы праздники, когда она бродила по двору, по коридорам, по “занятым комнатам”, как “неприкаянная душа”»¹⁴.

У своекоштных учеников возрастная иерархия дополнялась назначением «старшего» по квартире из лучших учеников. «Старшие» проявляли, как правило, «просвещенный деспотизм»¹⁵ по отношению к остальным квартирантам и могли, в зависимости от характера, более или менее сильно отравить время пребывания в школе. «Введенский завел квартирный журнал и заносил каждый день, что в квартире обстоит все благополучно. Ему нравилась каждая мелочь, которая выясняла его положение. В “занятные часы” ученики должны были вставать, когда он что-нибудь спрашивал. Из усердия Введенский сделал самый строгий осмотр книг, тетрадей, карандашей, перьев и всех остальных канцелярских принадлежностей, причем всячески придирался к Паше и Ване, хотя у них все было в порядке.

— Вы у меня смотрите, — пригрозил им Введенский уже решительно без всякого основания.

Увлечшись своей ролью, он хотел проделать то же самое и с нами, но Александр Иваныч показал ему кулак и проговорил:

— А это хочешь? Я тебе покажу такого старшего, что небо с овчинку покажется.

Ермилыч пообещал что-то в том же роде, и Введенский сосредоточил свое внимание на двух низших отделениях, причем произвел настоящий экзамен по всем предметам. Он особенно налег на пение, вероятно, потому, что сам пел хорошо и не сбивался “на гласах”.

Из-за этих “гласов” произошла настоящая битва. Введенский поймал именно на них несчастных заводских поповичей. Посыпался целый град ударов.

— Ну, глас четвертый?! — орал Введенский, как, по его мнению, должно было орать всякое настоящее начальство.

Бедному розовому Ване особенно досталось. Со страха он перепутывал все гласы и должен был петь, когда задыхался от слез. Введенскому было мало самоличного битья, и он устроил настоящее издевательство, заставляя по очереди Пашу и Ваню бить друг друга»¹⁶.

¹⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого. С. 252.

¹⁵ Там же. С. 253.

¹⁶ Там же. С. 247.

Д. Н. Мамин-Сибиряк и С. В. Керский «разошлись» на год, и ученик не застал того момента, когда благодаря синодальному ревизору был положен предел диктату «старших». «Для усиления надзора за воспитанниками были назначаемы, сверх того, старшие из лучших и благонадежнейших учеников. Обязанности их состояли в том, чтобы служить для товарищей примером в соблюдении порядка и в добром поведении; наблюдать, чтобы каждый из порученных их надзору учеников занимался своим делом, и вести журнал о поведении их. Я счел необходимым разъяснить по этому поводу, что звание старших, как не положенное по новому уставу и несовместное ни с возрастом и нравственным развитием воспитанников училища, ни с ученическими их занятиями, должно быть упразднено»¹⁷.

Очевидно, что за время своей службы ревизором С. В. Керский успел увидеть много примеров как «просвещенного деспотизма» «старших», так и «детских шалостей» других учеников. Несмотря на жестокость сцен, описанных Д. Н. Маминым-Сибиряком, С. В. Керский счел, что ситуация в Екатеринбурге еще вполне пристойна: «Ученики ведут себя весьма благонаравно; грубых пороков между ними не замечается; даже ленивых и слабо успевающих в училище не очень много. Покорность и доверчивость к воспитателям и наставникам, дух соревнования в занятиях, привычка держаться развязно и смело, откровенность и искренность, а также заботливость об опрятности суть отличительные их качества»¹⁸.

«Привычка держаться развязно и смело» вырабатывалась в связи с тем, что большинству учеников приходилось проявлять недетскую самостоятельность в условиях проживания на квартирах у чужих людей и в общежитии, а главное — по пути в училище и домой на каникулы. В воспоминаниях Д. Н. Мамина-Сибиряка описываются как дорога в Екатеринбург, так и обратно, в Висим, а также две поездки к деду в расположенное под Екатеринбургом село Горный Щит. При этом в первый раз он едет из дома в сопровождении знакомого родителей только до Нижнего Тагила, а там вынужден самостоятельно искать подводу, идущую в Екатеринбург. В гости к деду он также отправляется самостоятельно, но по неопытности договаривается с пьяным возницей, так что вынуж-

¹⁷ Керский С. В. Преобразование духовных учебных заведений... С. 114.

¹⁸ Там же. С. 115.

ден сам править повозкой¹⁹. Во второй раз он едет в Горный Щит один. «Выехал я из Екатеринбурга настоящим героем, даже немного больше — человеком, которому доверили настоящую живую лошадь, телегу и два пуда муки. Это что-нибудь значит!..» Но по дороге телега увязает в грязи, ломается, и только проезжавший мимо крестьянин помогает подростку выбраться²⁰.

Хозяева квартир, судя по всему, не особенно следили за тем, что творится в комнатах учеников, поэтому в обязанности инспектора входил также и надзор за квартирами. Родители учеников могли разместить своих детей только там, где это было рекомендовано администрацией школы, которая заботилась не только об условиях проживания учеников, но и о дешевизне их содержания, так что многие квартиры были заполнены жильцами до отказа. С. В. Керский: «Квартиры нанимаются у лиц, известных училищному начальству по своей благонадежности, по большей части у вдов священноцерковнослужителей и пожилых мещанок и часто посещаются воспитателями и в особенности помощником смотрителя²¹, который наблюдает как за учениками, так и за образом жизни самих хозяев и за чистотою квартир, на которых не допускается вместе с учениками никаких посторонних жильцов»²². Д. Н. Мамин-Сибиряк: «Ученическую квартиру держали две старые мещанские девицы, Татьяна Ивановна и Фаина Ивановна. Первая являлась главным ответственным лицом и распорядителем, а вторая заведовала кухней, которая была через двор. Собственно, наша квартира состояла всего из одной комнаты, выходявшей на улицу тремя окнами и во двор — двумя; а другая, маленькая комната была только дополнением. В этих двух комнатах помещалось нас шестнадцать человек, причем, конечно, о кроватях и тому подобных удобствах нечего было и думать. Спали все вповалку на полу, так что негде было, как говорится, яблоку упасть. <...> Остается сказать несколько слов об обстановке нашей квартиры, или, вернее, об ее полном отсутствии. В большой комнате стояли небольшой деревянный стол, деревянная скамейка и несколько табуретов; в

¹⁹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого. С. 218, 226–227.

²⁰ Там же. С. 269–270.

²¹ Соответствует должности инспектора.

²² Керский С. В. Преобразование духовных учебных заведений... С. 117.

маленькой комнате — маленький стол, а скамейка заменялась ученическими сундучками»²³.

В такой обстановке могли пышным цветом расцвести инфекционные заболевания. В воспоминаниях Д. Н. Мамина-Сибиряка подробно описывается его собственная болезнь. «При училище была небольшая больничка, но инспектор почему-то не отправил меня туда, — вероятно, потому, что там не было свободного места. Дома, то есть у себя на квартире, мне пришлось лежать в большой комнате, на простой деревянной скамейке с деревянной решетчатой спинкой. Время до обеда проходило в полном одиночестве, когда некому было подать воды, а сейчас после обеда начинался настоящий ад. Кричали, пели, дрались и отчаянно зубрили вслух. Последнее было всего хуже, потому что я про себя повторял все слова и фразы, которыми был насыщен самый воздух. <...> Мои товарищи по квартире отнеслись к моему положению почти безучастно и не обращали на меня внимания, точно я уже не существовал на свете. Все дети страшные эгоисты, и, вероятно, я сам отнесся бы таким же образом к другому больному. Внимательнее других оказался Ермилыч, который иногда подходил ко мне и повторял одну и ту же фразу:

— А ты поел бы...

Вечно голодные мальчики не могли никак себе представить, что человек может не хотеть есть. От Ермилыча я, между прочим, узнал, что у меня «горячка», как в те времена назывались все тифы, и что я могу умереть. Последним обстоятельством особенно огорчалась добрейшая Татьяна Ивановна, потому что это бросало некоторую тень на ее квартиру.

— Уж, кажется, я ли не старалась... — охала она, прикладывая постарушечьи руку к щеке. — И с чего бы, кажется, быть горячке... Вон все другие здоровы, слава Богу. <...>

Самым внимательным человеком по отношению ко мне оказался наш инспектор, навещавший меня почти каждый день. Он же и лечил меня гомеопатическими крупинками, как лечил ими своих прихожан и мой отец. Я верил в крупинки на последнем основании и был рад, когда приходил инспектор и заставлял меня показывать язык, считал пульс и т. д. У постели больного это был совсем другой человек, ничего общего не имевший с тем, который наводил трепет даже на отчаянную бурсу. Я слышал его тяжелые шаги, когда он поднимался по лестнице, и знал впе-

²³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого. С. 238–240.

ред, что он войдет в шляпе в мою комнату, понюхает воздух, сморщится и скажет подобострастно сопровождавшей его Татьяне Ивановне:

— Что это у вас, матушка, воздух-то какой... Хоть топор вешай. Покурили бы чем-нибудь, что ли...

— Уж, кажется, стараюсь, господин инспектор, — обиженно отвечала старушка. — Даже в другой раз и ночью не спишь, а все думаешь, как бы лучше... Да и то сказать, ведь шестнадцать человек, какой уж тут воздух. <...>

Последние дни перед кризисом прошли в каком-то тумане, а когда я проснулся от своего забытья, передо мной стоял инспектор и ласково говорил:

— Ну, теперь слава Богу... Теперь долго проживешь.

У дверей стояла Татьяна Ивановна и вытирала слезы концом своего рабочего передника»²⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что даже находящегося в критическом положении больного, к тому же представляющего потенциальную угрозу для других учеников, от них не изолируют. Понятно, что в больнице при училище могло быть только несколько мест, но получается, что ни одно из них не освободилось в течение шести недель. Причем описанная ситуация даже для одной квартиры не была чем-то исключительным: «Ровно через год Ваня умер у нас на квартире от тифа, умер на том самом диванчике, на котором вылежал я свои шесть недель»²⁵. Опять же, на этом фоне особенно удивительными кажутся слова из официального отчета: «Гигиеническое состояние учащихся весьма удовлетворительно: по крепкому здоровью, физической бодрости и свежести воспитанников Екатеринбургское училище должно занять первое место в ряду других, доселе обривизованных мною духовных училищ»²⁶. Остается гадать, как же обстояло дело в других училищах?

Предсказуемо разойдутся взгляды ревизора и писателя на состояние казеннокоштных учеников. С точки зрения С. В. Керского, и здесь все обстояло достаточно благополучно. **«Содержание казенных воспитанников.** Содержание казенных учеников пищею и одеждою соразмеряется с денежными средствами, на них ассигнуемыми.

²⁴ Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого. С. 272–274.

²⁵ Там же. С. 282.

²⁶ Керский С. В. Преобразование духовных учебных заведений... С. 115.

Пища. Пища дается ученикам из свежих припасов и в достаточном количестве. Обед и ужин для учеников состоит из двух блюд в простые дни и из трех в праздники; кроме того дается завтрак утром и полдник вечером (и тот и другой состоят из ломтя черного хлеба).

Одежда. Одежда казеннокоштных учеников прилична, опрятна, но не совсем достаточна, по ограниченности средств. Ученикам шьется: сюртук и брюки, плащ из толстого сукна на холщовой подкладке, триковые сюртук и брюки, 1 пара сапогов и 2 пары головок, 2 пары нижнего белья, 2 пары носок и 2 пары портянок, суконный нагрудник, саржевый черный галстух и фуражка (носовых платков и подтяжек не выдавалось)²⁷.

Не случайно даже у С. В. Керского перечислению благ, которыми осыпаны бурсаки, предшествует замечание, что изливаются они на учеников в соответствии с ассигнуемыми средствами. Для тех, кто читал отчет, это был прозрачный намек на вечное недостаточное финансирование. Сегодня составить себе представление о том, что на деле означало «содержание в соответствии с ассигнуемыми средствами» можно по описанию бывшего ученика. «В течение первого же дня я познакомился со всем личным составом бursы нашего класса. По наружному виду все бурсаки походили один на другого благодаря однообразному костюму и, точно присвоенным специально бурсе, серым, словно выцветшим лицам и, — я бы сказал, — *голодным* волосам... Для того, чтобы последнее выражение было понятнее, приведу пример, именно, волосы выздоравливающих после жестокого тифа. Костюм бурсаков состоял из казинетовых сюртучков и таких же брюк, а шея закрывалась глухим галстуком из сукна. Почему так отчаянно голодала бурса, трудно сказать. У них был и чай утром, и обед, и ужин, конечно, скудные, но казалось бы, что до голода было еще далеко. Главное лишение бursы заключалось в том, что ее кормили одним ржаным хлебом и белый давался, кажется, только по праздникам. Это лишение являлось именно в нашем училище особенно чувствительным, потому что в шестидесятых годах даже простые крестьяне в Екатеринбургском уезде ели только пшеничный хлеб. <...>

Бурса всегда голодала, но голодали ведь и мы, квартирные, хотя и находились относительно в лучшем положении²⁸.

²⁷ Керский С. В. Преобразование духовных учебных заведений... С. 117.

²⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Из далекого прошлого. С. 252.

Итак, синодальный ревизор нашел положение в Екатеринбургском уездном духовном училище вполне удовлетворительным, а само училище готовым к преобразованиям. Что же касается писателя, то он не то чтобы примирился с теми недостатками, которые были видны ему «изнутри», но нашел в дореформенной школе нечто, что выгодно отличало ее, по его мнению, от реформированной. Большое место в его воспоминаниях занимает описание «рекреации», которую ученики выпросили у ректора училища перед экзаменами. «Наша рекреация пролетела с самой обидной быстротой, и не успели мы даже устать хорошенько, как солнце уже село за зубчатую стену леса, и наступили сумерки. <...>

— По домам! — скомандовал инспектор.

Все пошли одной гурьбой, с веселыми песнями, как и следует закончиться настоящему празднику. Инспектор и учителя даже не сели на своих извозчиков, а шли вместе с толпой облепившей их детворы. Это была трогательная картина того, чем должна быть школа. Все было забыто для счастливого дня: и инспекторские «субботы», и зубрение, и строгие порядки дореформенной духовной школы. Эта старая школа умела на один день быть действительно гуманной, выкупая этим именно счастливым днем все свои педагогические вольные и невольные прегрешения... Люди были людьми, и только. Новая школа, размерив время учения по минутам, не нашла в своем распоряжении ни одного свободного дня, который могла бы подарить детям. Она формально справедливее и формально гуманнее, но в ней учитель и ученик отделены такой пропастью, через которую не перекинуто ни одного живого мостика. Новая школа не знает отступлений от своих программ, и ученики в ней являются в роли простых цифр известной педагогической комбинации. Дореформенная школа, несмотря на все свои несовершенства, стояла ближе к детскому миру, особенно если бы выкинуть из нее ненужную жестокость педагогов и жестокие школьные традиции». Кажется, это было бы лучшим послесловием к ревизорскому отчету.

Екатеринбургское уездное духовное училище в эпоху великих реформ...

Д. Н. Мамин (на фото справа) с отцом и братом